

Час Кролика, рассвет.

Небо прояснилось, сквозь чёрные тучи пробилось несколько золотых лучей зари. Этот свет пронзил мириады пылинок и рассыпался по земле.

Стало чуть теплее, но всё равно было очень холодно.

Янь Лян не помнил, когда уснул; он знал лишь то, что сейчас во рту пересохло, а горло саднило. Тонкая рубаша на спине пропиталась холодным потом, и это ощущение липкости было крайне неприятным.

В чугунном подсвечнике в виде переплетенных лотосов свеча догорела до половины; застывшие белые слёзы воска облепили её остов.

В ушах стоял гул: шум шагов, приглушённые голоса и стук ложки о фарфоровую чашу.

Он бессильно приоткрыл глаза и сквозь марево увидел согбенный силуэт, подошедший к нему.

В следующий миг губы почувствовали нажим ложки, и невыносимо горькое лекарство потекло в рот.

— Кха... кха-кха!

Одуряющая горечь на корне языка и заложенность в горле не давали сглотнуть. Он надрывно закашлялся, и только что влитое снадобье потекло по бледным уголкам губ.

— Князь, у вас жар.

Пожилая женщина с седыми висками достала из-за пазухи платок и нежно вытерла коричневые капли лекарства с подбородка Янь Ляна. В её тихом голосе сквозила безмерная тревога:

— Это лекарство по рецепту нашего лекаря. Ваша старая служанка варила его на малой кухне целых два часа. Вам нужно выпить хоть немного.

— ...Помоги мне сесть.

Придя в сознание, Янь Лян почувствовал стеснение в груди, мешавшее дышать. Только когда замершая рядом служанка помогла ему сесть, дыхание стало более свободным.

— Я собирался во дворец, кха-кха... видно, не судьба.

— Император поймет ваше слабое здоровье и не станет гневаться, — старуха обеими руками поднесла чашу с лекарством, в её мутных глазах теплилась надежда. — Выпейте же, князь, на вас лица нет.

Янь Лян очень не любил это горькое, бьющее в нос варево, но все же протянул руку, взял чашу и выпил залпом, зажмурившись.

«...Как тут сохранить здоровый цвет лица, если целыми днями пить эту горечь, от которой немеет язык? Раньше в деревне пахал под дождём и никакой хвори не знал, а стоило стать князем — болезни посыпались одна за другой».

«Эх, уж лучше быть крестьянином в поле, терпеть тяготы и лишения, чем этим князем в

поместье, до срока чахнувшим от богатых болезней».

— Выпью я это — лишних лет не прибавится, не выпью — вряд ли жизнь укоротится. В любом лекарстве есть доля яда: оно лишь на время унимает боль, а в конце концов подтачивает здоровье.

— ... — Старуха зашевелила губами, хотела что-то возразить, но побоялась разгневать господина и в итоге молча удалилась с пустой чашей.

За узорчатым окном завывал холодный ветер, на тонких ветвях персика в саду дрожали остатки лепестков. На верхушках веток всё ещё висели бумажные красные фонарики, оставшиеся с Праздника Фонарей — слуги не стали их снимать ради доброго знака.

В такой мороз выживали немногие растения. Сад стоял в запустении, и любая яркая краска была в радость.

В комнате Янь Лян долго сидел неподвижно, обхватив грелку, словно изваяние. Служанка принесла цукаты, и он съел один кусочек.

Как только во рту стало сладко, навалилась дремота, и он медленно опустился обратно на ложе. Глядя прямо перед собой, он вдруг заметил, что неподалеку во внешней комнате кто-то стоит на коленях.

Сквозь занавеси и жемчужные нити он всматривался в смутные очертания фигуры.

Сердце и так подсказывало, кто это, но Янь Лян всё же подозвал служанку и спросил:

— Кто это там на коленях?

Он нарочно не стал понижать голос, чтобы этот дерзкий и склонный к глупостям теневой страж его услышал.

— Отвечаю князю: это господин Сяо У. ... Он стоит так с самой ночи до сего часа.

— В чем его вина?

— Господин Сяо У говорит, что по его вине князь перенёс испуг, из-за чего и поднялся сильный жар.

— ... — Хм, значит, понимает, что натворил. Теневой страж должен оставаться стражем и делать свое дело. Что за манеры — лезть в постель... Позорит порядки в доме.

Янь Лян потирал пальцами резьбу на грелке, после чего произнес:

— Раз хочет стоять — пусть стоит. — В этом действительно была доля его вины: из-за его дерзости князю ночью снились кошмары.

— Вы... — темноволосая служанка замялась, её пальцы нервно переплелись на животе. Она опустила голову, раздумывая, стоит ли продолжать.

— Что ты мямлишь? Говори, если есть что сказать.

Янь Лян поднёс к губам шелковый платок и снова сухо закашлялся. В груди всё горело, а голова была тяжёлой.

— Вы... вы раньше были очень добры к господину Сяо У. — Порой они даже трапезничали и отходили ко сну вместе, князь никогда бы не заставил его стоять на коленях... тем более в такой холод.

Раньше они уже давно укрылись бы одним плащом и сидели в тёплой комнате за вином и долгими разговорами.

— Я всегда был справедлив в наградах и наказаниях. Когда положена награда — награжу, когда кара — рука у меня не дрогнет. Это касается каждого в поместье, исключений нет.

Янь У был искусен в бою и пользовался его доверием, но раз затаил такие мысли... должен быть наказан.

Прошло ещё около двух часов. Солнце поднялось высоко, и комната, согреваемая жаровнями, наполнилась светом.

Проснувшись после короткой дремоты, Янь Лян снова велел подать воды. Набравшись сил, он отодвинул полог и сел. Опустив босые ноги на густой ковер, он принял горячий чай и сделал глоток.

Человек во внешней комнате держал спину прямо, словно не знал усталости.

Янь Лян не удостоил его даже взглядом, возвращая пустую чашку на деревянный поднос в руках служанки.

— Приготовьте горячую воду, я хочу искупаться.

— ...Господин Сяо У всё ещё на коленях, нужно ли известить его, чтобы он ждал в купальне?

Янь Лян с суровым лицом взглянул на невысокую служанку с подносом. В его холодном голосе прозвучало недоумение:

— В последнее время вы все задаёте какие-то странные вопросы. У теневого стража руки не для прислуживания — как он может ухаживать за мной?

— ...Слушаюсь. Ваша служанка поняла.

«Да что с ними со всеми? Белены объелись? Только и слышу: „господин Сяо У“, „господин Сяо У“... уж не замыслили ли они бунт, чтобы сменить хозяина?»

«Угостил он их дурманом, что ли? Откуда такое влияние?»

— Ладно, все свободны. Позовите Янь У, я хочу как следует его расспросить. — Раз столько простоял на коленях, должен был осознать вину.

Человек, что уныло понурился во внешней комнате, услышав это, с радостью вскинул голову. Не дожидаясь, пока служанка позовет его, он, преодолевая боль в затекших ногах, нетвердой походкой вошёл в спальню и пал ниц.

Янь У отвесил глубокий поклон, не смея поднять глаз на Янь Ляна.

Слуги один за другим вышли. Янь Лян поднялся с ложа и неспешно прошёл к креслу у чайного столика.

На нём был лишь тонкий синий халат, щиколотки оставались открытыми. Длинные волосы не были убраны и вольно рассыпались по спине. На бледном, как нефрит, лице проступал лихорадочный румянец, отчего он выглядел одновременно величественным и хрупким.

Янь Лян долго изучал Янь У, недовольный тем, что тот вошёл без зова. Он разомкнул бледные губы и сухо бросил:

— Невежа.

— ...Да, ваш подчинённый виноват.

<http://bllate.org/book/22107/2316090>